

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ / NATIONAL HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.73>

ИГРЫ И ИГРУШКИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ

Научная статья

Мищенко Т.А.^{1,*}, Мищенко В.В.², Куст М.М.³

¹ORCID : 0000-0002-6728-4365;

^{1, 2, 3}Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского, Новозыбков, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mtpost[at]yandex.ru)

Аннотация

Изучение предметного мира игрушек, описания игр, игрового опыта детей и подростков военного времени позволяют раскрыть одну из сторон феномена военного детства, которое изучается как междисциплинарная область гуманитарных исследований. Локализация опыта войны через призму игры и игрушки позволяет выявить самоопределения себя в годы войны по возрасту или семейной роли, понять отношение «детей войны» к семье, родству, коллективу или местному сообществу. Изучение детского опыта в регионе Брянско-Гомельского пограничья в 1941-1943 гг. связано с его общей военной судьбой: быстрое наступление врага летом 1941г, оккупация в течение двух лет, освобождение осенью 1943г. и прифронтовое положение в 1944г. Авторы выявили общее и особенное в наличии игрового опыта, предметного мира игрушек и игрового пространства, доступного детям в локальном регионе большой страны.

Ключевые слова: игра, игрушка, военное поколение, память, игровой опыт, игровое пространство, Брянско-Гомельское пограничье, оккупация.

GAMES AND TOYS OF CHILDREN AND TEENAGERS OF THE WAR GENERATION IN THE MEMORY SPACE.

Research article

Mishchenko T.A.^{1,*}, Mishchenko V.V.², Kust M.M.³

¹ORCID : 0000-0002-6728-4365;

^{1, 2, 3}Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Academician I.G. Petrovski University», Novozybkov, Russian Federation

* Corresponding author (mtpost[at]yandex.ru)

Abstract

The study of the object world of toys, descriptions of games, game experiences of wartime children and teenagers allow to reveal one side of the phenomenon of wartime childhood, which is studied as an interdisciplinary area of humanitarian research. The localization of the war experience through the prism of play and toys allows to establish the self-definition of oneself during the years of war by age or family role, to understand the attitude of "war children" to family, kinship, group or local community. The study of children's experience in the Bryansk-Gomel borderland region in 1941-1943 is connected with its general war fate: a swift attack of the enemy in the summer of 1941, occupation for two years, liberation in the autumn of 1943 and front-line position in 1944. The authors revealed the common and peculiar in game experience, object world of toys and play space, available for children in the local region of the big country.

Keywords: Game, toy, war generation, memory, play experience, play space, Bryansk-Gomel borderland, occupation.

Введение

В последние несколько десятилетий обращение к детству как социокультурному феномену привлекает отечественных представителей гуманитарных наук. Многие исследователи посвятили свои работы изучению советского детства, некоторые обратили внимание на проблематику военного детства, как части истории общества в XX в. Важный вклад в изучение детства как особой субкультуры внес международный семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики», начавший свою работу в 2007. Появились исследования военного детства в регионах России, переживших разный военный опыт в период Великой Отечественной войны: связанный с военными действиями, эвакуацией, оккупацией различных частей страны. Так, Т.И. Шукшина изучает проблемы помощи и защиты детей и подростков в ситуации войны в Мордовии: эвакуацию, устройство сирот, санитарный надзор, обучение, налаживание связей с родиной [21]. Лаборатория «Антропология детства» Ставропольского государственного педагогического университета занимается сбором и публикацией региональных устных историй о военном детстве [5]. Привлекает историков проблема детской памяти о Великой Отечественной войне [3], в том числе связанная с различными артефактами из мира детства: фотографиями, игрушками, предметами домашнего обихода [20]. Реконструкцию мира детей военной поры предприняла М.А. Рылова, с помощью термина «территория детства» исследовательница обозначила проблему возрастных групп внутри страты детей, их личного восприятия своего военного детства в Сталинграде, изучила места и вещи, которые составляли предметный мир ребёнка 1940-х гг. Автор статьи отмечала: «В полном объёме феномен военного детства отечественными исследователями до сих пор не рассматривался: остаются неопределёнными его границы и специфические черты, не выявлены способы его социокультурного конструирования» [19, С.38].

Методы и принципы исследования

Таким образом, феномен военного детства продолжает быть актуальным для изучения в рамках российских гуманитарных наук. Цель нашего исследования - внести вклад в представления о военном детстве с помощью анализа игрового опыта, предметного мира игрушек и детского игрового пространства поколения людей, которые пережили 1940-е годы как в раннем детстве, так и подростками. Сформулировав общую цель исследования, конкретизируем ее в ряде задач:

- определить изучаемый регион исследований как пограничный для советских республик РСФСР и БССР (современные Брянская и Гомельская области), переживший оккупацию в ходе войны с августа 1941г. по ноябрь 1943г., положение прифронтового региона в первые месяцы войны и в течение десяти месяцев после освобождения;
- описать игровой опыт детей и подростков как способ и возможность идентифицировать себя в военные годы;
- обобщить представления о предметном мире игрушек детей и подростков в 1940-е гг.: их наличии, способах изготовления, бытования в разновозрастной детской среде;
- очертить границы и попытаться описать детское игровое пространство в условиях войны, оккупации, первых послевоенных лет в регионе исследования;

Обращаясь к анализу исторических источников, на которые мы опираемся в данном исследовании, следует отметить возрастающий интерес исследователей к устным свидетельствам эпохи. Н.И. Репина называет жанром «детского документа» репортажи, воспоминания, интервью, тексты, отразившие историю русского детства [18]. Мы используем собранные в 2013–2021 гг. студентами новозыбковского филиала Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского воспоминания городских и сельских жителей юго-запада Брянщины и востока Гомельщины. Воспоминания собирались по созданному опроснику, респонденты отбирались 1930-х – 1940-х гг. рождения, которые проживали во время Великой Отечественной войны на Брянщине и в сопредельных районах Гомельщины (родились здесь, переехали с семьей, были перемещены в годы войны). Из данных воспоминаний создан цифровой архив из аудиозаписей и их расшифровок, в нем хранится 26 записей.

Охарактеризуем другие группы исторических источников по теме исследования. Выделим несколько школьных проектов из Перми 2019 – 2020 гг., которые используют опросы местных жителей, бывших «детей войны»: в них перечисляются способы изготовления самодельных игрушек, описываются игры, пространство, которое могли занимать играющие дети, упоминаются различия в игровом статусе маленького ребенка и подростка [15].

Детский музей в Полоцке в апреле 2022 г. представил выставку «Военное детство». Она рассказывала о том, как дети выживали и боролись с трудностями военных лет. Среди экспонатов – письма, воспоминания детей и подростков периода оккупации Белоруссии (от 3 до 14 лет), в том числе из детских домов, которым пришлось пережить не только оккупацию, но и побег с помощью партизан и сотрудников детского дома за линию фронта [4].

Ярославский музей-заповедник и рабочая группа проекта «Дети взрослым о войне» создали сайт «Короткое детство». Здесь исследуется феномен военного детства, а в качестве источников используются письма, рисунки, стихи детей, воспоминания о войне. Все это позволяет воссоздать бытовую, эмоциональную составляющую представлений о военном детстве [14].

Значительную роль в исследовании военного детства играют воспоминания «детей войны», которые оставляют их на различных платформах для авторов прозы, иногда публикуют в виде книги. В нашей статье такими источниками стали воспоминания Юрия Власова 1940 г.р. из Минска, опубликованные на платформе proza.ru, а также автобиографическая книга жителя г. Унеча Брянской обл. С.М. Ложечко «Дети войны или подранки» 2021г., опубликованные статьи работников Унечского краеведческого музея, которые к 70-летию Победы смогли охватить опросами значительный круг жителей региона 1934 – 1940 гг. рождения [1], [2], [16].

В работе использованы и неопубликованные воспоминания Дмитрия Гержедовича и Федора Даленкина, которые в виде рукописных тетрадей и перепечатанного на машинке текста (неясно наличие подлинника) хранятся в фондах Новозыбковского краеведческого музея. Их авторы – жители города Новозыбкова. Известно, что Федор Даленкин в 1941 г. был учеником 9 класса средней школы им. Калинина (так подписана его тетрадь с записями), а Дмитрия Гержедовича призвали после освобождения осенью 1943 г., таким образом в 1941 г. ему было 15-16 лет. Их представления об окружающем мире: Родине, всеобщей беде народа, враге, семье и взаимопомощи, своих увлечениях и досуге являются ярким свидетельством мировоззрения подростка военной поры, который оказался в оккупированном городе и его детство было прервано трагедией войны.

Таким образом, мы можем использовать «опыт войны» детей, которые жили в различных местах нашей страны: тыловом городе, в местах эвакуации, особенно важен сходный опыт – тех регионов, которые пережили наступление врагов, оккупацию и освобождение. В сопоставлении с полученными нами глубинными интервью появляется возможность определить, что в игровом опыте и пространстве, и материально-бытовом мире ребенка было характерно в целом для детей военного поколения, а что является определяющим для условий нашего региона исследования в 1940-х гг.

Основные результаты

Во время Великой Отечественной войны прифронтовое положение юго-запада Брянщины и сопредельной Гомельщины в середине августа 1941г. сменилось оккупацией. Многие воспоминания «детей войны» начинаются с момента ухода отца на фронт, распада семьи, причиной которой - утрата родного дома или эвакуация. Н.С. Ковалев на вопрос о составе семьи упоминает трагичные события, связанные с потерей кормильца: «... были все малые... Гришка, да, Шурка у нас в семье...мамка, а папка на войне...там и убили моего папку...». Жительница с. Чуровичи Климовского района В.П. Родичева тоже, как и многие дети осталась без отца: «...отца на фронт и вот я помню провожали от этого...м-м-м...ну от клуба, их всех собирали, вот это я...отца не помню...вот, только помню, как...это самое... я плакала «Папочка, не уходи», он: «Валя, да я завтра приду» [7].

Жительница д. Рудня-Цата (Климовский район) Н.Я. Ковалева с благодарностью вспоминает своих теток и бабушку, которые приютили девочку вместе с братьями на некоторое время, как развернулись военные действия: «Нас забрали в Завидовку к тетке... к одной тетке и другой... да... баба була. Шо нибудь баба раздобудя, принося... она нам приносила еду... Особенно ...шо она делала? Сало мене крошку отваря... вот як. Теперь блинов пекла... сала она мене давала добре. Я... только у тети жила... А отец був мой на войне, мама хоть и дома була... Я ж у Завидовки жила, в Беларуси. А мама жила в Юрковичах... вот и все... Крышу над головой дали... тетка... одна и другая...». Заметно, что для ребенка военных лет самое главное – еда и крыша над головой. Нина Яковлевна сохранила в своей памяти тоску по родному дому и матери, которая осталась работать в родном селе, чтобы прокормить детишек [8].

Детей из детских домов далеко не всегда успевали эвакуировать, особенно расположенных на территории Белоруссии, стремительно захваченной врагом. Так, Детский дом №1 г. Полоцка остался в оккупации. Все бремя по спасению детей, обеспечению продуктами, медикаментами легло на работников детдома. В воспоминаниях М.Т. Кендысь (Хоменковой) мы встречаем следующее: «...Фашисты часто устраивали жестокие «штуки». Зная это, мы выставляли посты оповещения. С появлением немцев мы прятались в лесу. Дети были очень истощены, пришлось их выхаживать» [3]. Многие подростки уходили в партизаны, а оставшиеся приглядывали за младшими, штопали и стирали белье. К январю 1943 г. из 200 детей осталось 110. Для спасения детей была проведена секретная операция «Звездочка»: под покровом ночи их вывели в Полоцко-Лепельскую партизанскую зону, а затем на самолетах часть детей была вывезена в советский тыл. Детям, которым пришлось выдержать такие лишения, было от 3 до 14 лет. Их воспоминания показывают, как быстро выросли от невзгод войны подростки и брали на себя заботу о младших.

Уже семилетние дети, не только оставшиеся без родителей, но и в семьях, ощущали себя старшими и обязанными заботиться о младших. Житель Унечи Сергей Ложечко, в своей книге «Дети войны или подраники» так характеризует начало войны: «Грязь непролазная. Люди бредут, боясь зачерпнуть в галоши. А мне очень удобно: я, как рюкзак, болтаюсь на спине брата Димы. Он несет меня в детский сад. Это недалеко. На полпути нашей дороги лежит огромный камень. Здесь мы отдыхаем. Дима ставит меня на камень и садится рядом. Ему тяжело. Ему всего семь лет, и он несет меня через силу. Идет война. Страшная война... Мне три с половиной». Другой респондент связывает свою помощь семье с уходом за младшими: «Мы уже подрастали... Гришку смотрев и Шурку...» [16, С.136].

Раннее взросление вело к тому, что именно подростки военных лет отказались от игр и игрушек, они определяют себя в то время через помощь семье, на сколько они были полезны, а также в отличие от младших, тех, кто помнит себя в войну и оккупацию трех-пятилетними, осознают ценность семьи, родных, всех, кто их окружал. На вопрос: «Как наличие семьи помогало выжить ребенку в трудные военные годы?» жительница с. Чуровичи Климовского района В.П. Родичева отвечает: «Я делала семье... работала баба... носила дрови з лесу, корови носила и репу рвала на колхозном поле. Ести нечего було... колоски собирали, как уберуть колхозное поле... колоски собирали все дети...» [11].

Особенностью общинного самосознания старообрядцев, к которым принадлежит респондентка Мастюгина Е.Ф., была взаимопомощь не по-родственному, а поселенческому признаку: «Один одному помогали... никакой копейки не надо... Сели, самогоночку... по стаканчику выпили и разошлись... Мужики идут с работы, мы строились и они с работы и на крышу... такая дружба була... село все было дружны... А теперь соберутся тока свои родные...» [10]. Евгения Фоковна вспоминает, что село было относительно благополучно в годы войны и в него бежали люди из города, оставшиеся без крова над головой.

Татьяна Ивановна Сороковая, 1935 г.р., на вопрос «Считали ли вы себя ребенком в годы войны, помните ли вы эти годы, как детство?» отвечает так: «Помощницей!». Она перечисляет множество трудностей, выпавших на долю семьи, прежде всего – голод и тяжелый труд. Вспоминая себя в 9-летнем возрасте, Татьяна Ивановна (средний ребенок в семье) говорит: «Я была такая быстрая...». Она описывает связь своего отца с партизанами и многие эпизоды, когда вся семья рисковала своей жизнью, испытывая угрозу от предателей, недоверие партизан, рейды в деревню немцев, спасение на чердаке дома Гуревича А. [12]. Н.Я. Ковалева упоминает как забаву поход на речку, но не для шалостей, а чтобы принести домой рыбки, за что похвалит бабушка: «Да пойду на речку ходила вот... ены мужчины ловили рыбу, такие щуки большенные ловились... а мы малыши маленькую пособираем рыбку... у такие маленькие платочки... а они нас и не прогоняли... не чапали... собираешь и собирай рыбку. Тогда понесу бабе тую рыбку, отдам. А баба уже сваря супу с той рыбки. ... Так мы и жили. Понятно?» [8].

Зинаида Андреевна, которой в 1941 г. было три года, также говорит о ценности семьи и родных, которые помогали выжить семье без отца, ушедшего на фронт: «Уже немцы пришли, но продолжали бомбить. Пришлось маме вести нас ночевать в Речечку, к знакомым. Младший братик говорил: «Я не хочу ходить по каваркатой дороге... Это потому, что по полю шли... Мы шли, я брату отдала нести свои сандалии, а он поставил. Я осталась без обуви... Я вам скажу – мама нас запрет и бежит к бабушке...» [6].

Воспоминания детей и подростков об игрушках – наиболее сложное воспоминание, порой травматичное. Описание игрушек показывает, чего они были лишены в детстве. «С листиков тарелочки... Лишней тряпочки не было, сворачивали куколок из того, что под руками» [6]. «Сами шили, куколок заворачивали. Ежиков - в картошку спичек натыркаем... Крестная подарила с фанеры, как матрешка была большая кукла» [12]. Татьяна Ивановна жила в поселке, который входил в земли бывшей барской усадьбы. Возможно, ее находки в земле, которые она называет раскопками, принадлежали предыдущим хозяевам, помещикам: «Раскопки были... я нашла ложечку керамическую и лошадку. Мы даже тогда не понимали...» [12]. Н.Я. Ковалева сохранила в памяти самодельную куколку, состоящую из тряпич: «...були ляльки... ооо... сделаешь куколку и гуляишь... *плачет*» [8].

Сергей Ложечко подтверждает тот факт, что для игр дети использовали совершенно различные предметы: «И, вообще, игрушек мы не знали. Мы играли коробочками из-под спичек и катушками от ниток, самодельными кубиками из дерева» [16, С.75]. Природные материалы в годы Великой Отечественной войны стали основными, из которых изготавливались детские потехи. Например, из белого холста делали кукол, луки из веток вишни, стрелы из камыша с

наконечниками из жести, свистки из вербы, мячи из коровьей или лошадиной лезлой шерсти, коровки и ослики из соломы, автоматы из досок: «...у каждого из нас были вырезанные из дерева пистолеты, автоматы и, даже, гранаты...» [16, С.109]. Любая «вещица», попадая в руки ребенка становилась орудием забавы: «На погребке в песке было очень много цветных стеклышек. Это, наверное, натаскала Аня, потому что рядом в траве лежала самодельная тряпичная кукла. Я собирал из стеклышек какую-нибудь фигурку...» [16, С.127]. В такой ситуации с игрушками были некоторые преимущества: вещи позволяли ребенку фантазировать, наделять предметы волшебными свойствами, придавать им в игре разное значение. «Безликой» тряпичной кукле рисовали лицо, она становилась индивидуальной и неповторимой.

В основном, набор игрушек детей Брянско-Гомельского пограничья не отличается от того, что вспоминали в Перми или Ярославле: мячик из тряпок или шерсти, кукла из лоскутков, деревянные чурочки, веревки, ветки. Однако дети на неоккупированных территориях все же могли рассчитывать на фабричные игрушки, на подарки и детские праздники. В материалах Ярославского музея мы встретили воспоминание о гуттаперчевой куколке, в пермском школьном проекте респонденты вспоминали о старьевщиках и обмене старой одежды на свистульки и другие игрушки. Ю.Власов из Минска писал, что у некоторых детей были довоенные велосипеды и самокаты, чаще деревянные и самодельные. В нашем случае респонденты вспоминают два праздника, когда им могли достаться сладости, они могли посмотреть на украшения. Скорее всего, это первые послевоенные годы, когда открылись школы, многие люди вернулись в родные дома. «Таких у нас ни кукол...не было...не видали. Машинок и не знаем. Мы тогда ходили разутые: ни носков, ни сандалий...Купляли тока к Пасхи: платице шили и сандалики. На первый день Пасхи надеть и по деревне, по яички...собирать. Собирали, а теперь? Никаких гульнев. Никаких» [11].

Дети военных лет не видели елок в своем доме. Причина кроется в нехватке места в жилище и отсутствии елочных украшений. «Нет. Да, мы не ставили. Не было игрушек, это раз. Во-вторых, я когда-то еще там в этом...жили в комнатушке, печка, одна кочка и столик. И я помню с Шершневой туда ходили и вырубали елочку-ель такую. Я принесла домой: «Мам, я так хочу елочку поставить». Она: «Ну, куда ты поставишь...а где есть? Пить? Негде же». Так, что нет, не ставили...». В одном из рассказов все же елка была не в школе, а в доме, относительно благополучном по сельским меркам: «...Папа из Москвы прислал набор стеклянных елочных игрушек на елку. Ставили у того, кто в лесу работал» [9].

В воспоминаниях тех, кто застал войну в 3-5 лет, неразделимы игрушки и сладости, все это вспоминается, как маленькая радость, скрасившая ужасы войны для маленького ребенка. Детская память Сергея Ложечко хранит моменты, связанные с «желтым шариком»: «Генка Лебедев, мой ровесник, вышел с незнакомым мальчишкой во двор, мы осторожно подошли к ним. Обыкновенный мальчишка, хотя и москвич, такой, как и мы, только одет получше... Мальчишка что-то держал в руке: желтое, круглое. Он перехватил наши взгляды и стал чистить-обдирать кожуру этого шарика». Ребята из маленького городка Унечи никогда не видели и тем более не пробовали апельсин. «Мы все понюхали корочку. Пахнет хорошо, как будто одеколоном. Он еще что-то говорил о вкусе апельсина, а мы стояли и смотрели, как он уплетает эти дольки одну за другой, пока все не съел» [16, С.157].

Скудный ассортимент игрушек, среди которых наши респонденты даже не называют любимую или самую дорогую игрушку, присутствовал в различном пространстве, которое дети осваивали как игровое. Это пространство в условиях войны должно было отличаться некоторой безопасностью, не нести в себе угрозы физического насилия и смерти, сочетать воображаемую ситуацию игры и ее атрибуты. Интервью показывают, что дети в городе обладали ограниченным пространством для игр. Так, семья с детьми 3 и 5 лет разрешала им играть только в доме, во дворе и в саду: «Наше пространство – дом, двор. Папа рассказывал, что на площади была виселица. ..Никуда не разрешали выходить. Сад был 1 гектар 15 соток. Дед был садовник, его убили в 1918 г...В большом кусте сирени устраивалась игра...» [6]. Большой свободой передвижения обладали городские подростки, но это был путь в школу или на заработки. В дневниках Дмитрия Гержедовича помимо домашних дел, чтение и рисование стало неотъемлемой частью практически каждого дня мальчика-подростка. В записи за 2 января 1942 года читаем: «Я рисую картину (Аллея в Альбано)». Запись за 3 января: «Рисую картину. Читаю книгу Петр I». Дмитрий в годы оккупации работал сначала рабочим при комендатуре: «Работали немного дольше обычного. Пилили и кололи дрова». С 14 июня 1942 года подросток начал работать в учебных мастерских в художественном цехе. «Там я раскрашиваю игрушки, рисую картины, пишу вывески и т.д. Работаю 8 часов, с 6 до 3». Федор Даленкин в своем дневнике также указывает: «Поступил на работу 4/ VII - 1942 года в учебные мастерские Городской управы в игрушечный цех по изготовлению игрушек из дерева». Помимо творческих занятий и работы городские ребята имели возможность посетить театр на оккупированной территории г. Новозыбкова который демонстрировал зрителям лучшие постановки. Так, Д. Гержедович писал (8 февраля 1942 год): «В полпервого ходил в театр с Валькой. 1-й раз в этом году. Билеты достать нелегко. Людей было очень много. Были и немцы».

Занятия в школе начались на второй год оккупации Новозыбкова, то есть, осенью, в сентябре 1942 г. Ходило в школу мало ребят, потому что не было в чем обуться и одеться. Преподавание велось по тем же учебникам, что и при советской школе. В Унече также работала школа. Рассказывает Кулаг Николай Матвеевич, 1935 г.р., уроженец д. Врянцы: «Одну зиму при немцах работала школа, и мы учились. Правда, немцы заставили в учебниках заклеить бумагой портреты руководителей партии и правительства, но учиться разрешили» [1, С.223]. Он же упоминает о такой шалости, которая могла стоить жизни участникам: «Однажды мы, ребяташки, утащили у немца карабин и из любопытства разобрали его на части. Разобрать-то разобрали, а собрать не смогли и спрятали его в кустах». Передвижения детей и подростков вне дома были опасны и после изгнания врага с территории нашего края. Все наши собеседницы вспомнили сюжеты о том, что мальчишки покалечились, разбирая снаряд, мину или патрон. «Слышали такое...Мой муж видел на один глаз. Снаряд был и он взорвался. С нами в классе училась Зоя Красницкая, у нее подорвался брат» [6]. Глубоко драматичным выглядит рассказ Марии Митрофановны Шеверняевой из д. Борщовка Добрушского района Гомельской области. Пока ее мать спасала корову от грабящих при отступлении немцев, младший брат в землянке разобрал и взорвал гранату. Он лишился глаза, помощь оказывал уже военный врач наступавшей

Красной Армии [17, С.64]. На территории края не было, как например, в Ярославле, военных свалок возле крупных заводов, то есть отдельных мест, которые представляли опасность и куда родители запрещали детям приходить. В больших городах опасность таилась и в крупных разрушенных зданиях, как, например, в Минске, о чем вспоминает Юрий Игоревич Власов: «Помню, как мы остались дома с мамой, как нам было голодно и холодно, как матери закрывали нас, сверстников, дома, а сами уходили добывать хлеб насущный, как с мамой мы однажды возвращались с вокзала домой, а я по дороге, без конца показывая на развалины Минска, все спрашивал: «А здесь что было? А здесь что было?»» [2]. Таким образом, игровое пространство городских детей было ограниченным двором, улицей, иногда домом и садом. Для Брянщины и Гомельщины, не развитых индустриально в довоенный период, самыми опасными местами были железные дороги, вокзалы и станции, но опасность поджидала городского ребенка везде, где находились боеприпасы и оружие.

Сельские дети, наоборот, очень ограниченно могли пользоваться пространством дома для игр. Частью традиционного крестьянского воспитания было умение детей не мешать взрослым, не выделяться в коллективе родственников. «Игрушки...Приходим к одному...брали ухват, кочергу, отгородили уголок: от дивана до сундука... застелили покрывало. Из нашей одежды и платка сворачивались куклы. Если гости приходили - все дети тихо сидели на печке» [9]. Пространства для игр на улице, за деревней было достаточно, но и оно ограничивалось по требованию взрослых. «На улице нельзя, окна повыбьют...Играли на жнивье ранней весной в этот мяч...Резина сырая, или валяли из шерсти» [9]. «В центре поселка клен был большой. Сядем и гуляем. Нас пугали: в лес не ходите, там Кощей. А это филин ухает...» [12]. Дети в деревне пользовались для игр тем, что им дала природа: лужа замерзла – кататься на коньках (чаще был один), в валенках или даже босиком выскочить из дома и прокатиться; на дороге можно было играть в лапту, казаки-разбойники «всем обществом» - и мальчики, и девочки, на улице – в «перебеганочку».

В то же время детские свидетельства мальчика, связаны с играми на улице: «Гуляли и на улице...хлопцы играли в этого...у «шерая»...чучелу ставили и круг - шерай...и палкой выбивали... это играли...Ну и играли в «елку»... играли... еще мяч был из того, что было...шоб катавса...создавали и забивать...». Подростки говорят об играх, но вспоминают, что «это было до войны», «я помню такую игру, но играть было некогда». Перечень игр детей и подростков, собранный от респондентов на юго-западе Брянщины показывает, что в основном это были уличные подвижные игры для смешанного коллектива детей.

«Игры были такие, что уже творили дети на улицах. В илку гуляли – в мяч. Соберется человек 20. Одни стоят... мяч забивают. Один подкидывает, другой подбивает – беги на старт. Если попадут мячом в тебя, значит проиграл, теперь ты стоишь сзади, а другие играют в мяч. Только снег сойдет, а мы уже босые в илку играем.

В пыжа. Настругают пыжик из дерева и рисуют лицо, пыж этот кладут и отправляют. Если поймает кто пыж – проиграл.

Каменьки. 10 каменьков хороших, специально ждем, что бы дождь прошел. Чтобы они блстели. 10 каменьков ложим в руку и палочкой выбивали каменек. Такая игра была. Кукол не было. Один слепой лепил кукол, а мы подражали» [17, С.67]. Подростки упоминают об играх, связанных с ухаживаниями «Скамейку ставили и играли в целование...Но это уже после войны было» [12]. О таком моменте возрастного перехода, когда вместо игр и игрушек девочке хочется украсить себя, принарядиться, упоминает самая старшая из наших собеседниц, Евгения Фоковна: «А как хотели уже подрастали... так хотели и каблучков. Так как война пробыла... фабрику разбили, а там были каблучки, так мы бегали туды за каблучками. Их сажали у сапог, а мы привязывали на шнурок...сюды и сюды...и зашнуровывали. И так на каблучках ходили девчатками. *смех* Это детство такое было» [10].

В других источниках постоянно встречается упоминание об играх на деньги. Наши респонденты вспоминают только одну такую игру, но о ней знают все «дети войны», даже если между ними около 10 лет разницы в возрасте. ««Копеечка» была — это хлопцы играли. Вот так называли «чика». Так ударишь, а там копейка, если попадешь ты выиграешь...Вот это тогда були...эти...шарики во такие – дровяные и такая палка. И вот становишь шарики...на черту, как ударишь по этому вон по шарiku. Скока разлетяца. Если выскочили из этого, то ты водишь» [10].

Обсуждение

Наше исследование подтверждает, что имеет смысл изучать феномен военного детства через предметный и пространственный мир ребенка: игры, игрушки, игровой опыт и игровое пространство.

Заключение

Вспоминая о привычных для ребенка вещах, носители коллективной памяти пережившего войну поколения воссоздают время, помогают нам понять, что чувствовали, как справлялись с травмой войны ее маленькие свидетели. Мы отметили, что для начала воспоминаний о военном детстве в памяти людей присутствует травмирующий момент: уход на фронт отца, бегство из родного дома, потеря близких или появление врагов. Раннее взросление пережили подростки военной поры. Уже в 7-9 лет дети получили семейные обязанности и сменили роль ребенка на роль семейного помощника.

Описание игрушек всегда эмоционально переживается респондентами. Их дальнейший жизненный опыт показал, что детские игрушки военного поколения – самые скудные, простые, незамысловатые. Стоит отметить, что женщины детально описывают игрушку, сюжет и игровую ситуацию. Мужская память хранит множество уличных игр, способов изготовления игрушек из дерева, железа, резины. Все респонденты вспоминают об «опасных вещах» - патронах, снарядах, минах, гранатах, наносивших увечья или смерть любопытным. Эти «опасные вещи» не были локализованы как склад, завод, какой-то охраняемый объект. Они находились повсюду. Данный фактор, как и условия двухлетней оккупации, наличие партизанского движения в окружающих лесах, повлиял на восприятие игрового пространства детьми. Большей свободой обладали сельские дети: улица, поле, река. Но лес, как правило, исключался, игры в доме существенно ограничивались. Городские дети использовали в игре пространство дома, двора, сада, но имели больше поводов легально передвигаться по городу: в школу, на курсы, в театр, в мастерские. Они имели возможность

наблюдать и запоминать, некоторые вели дневники. Несмотря на множество реальных опасностей и морального состояния страха, подавленности, утраты «дети войны» прожили это время как свое детство и отрочество, оказавшееся коротким, но памятным периодом жизни целого поколения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ложечко С.М. Дети войны, или Подранки / С.М. Ложечко – Брянск: Полиграм-Плюс, 2021. – 224 с.
2. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материале Сталинградской битвы). / М.А. Рыблова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 4.
3. Репина, Н.И. Н.И. Детство как концепт культуры: итоги работы семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (2007-2011гг.). / Н.И. Репина, Н.И. // Историко-педагогический журнал. – 2012. – № 3.
4. Шукшина Т.И. Социальная защита детей в Мордовии в годы Великой Отечественной войны. / Т.И. Шукшина // Педагогика. – 2004. – № 2.
5. Арещенко Т.Н. Воспоминания «детей войны» как незаменимый источник исследовательской работы музеев по истории Великой Отечественной войны. / Т.Н. Арещенко // Наш край в истории Отечества. Сборник научно-исследовательских работ по истории края (выпуск 3).; – Унеча: Десяточка, 2015.
6. Хлынина Т.П. Кадры из военного детства: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы. / Т.П. Хлынина // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сборник статей; – Ростов на Дону: Foundation, 2014.
7. Мищенко Т.А. Качели, илка, пыжи, камешки: как играли, работали, выживали «дети войны» в 1941-1943 гг. / Т.А. Мищенко // Господь дарует нам победу. Материалы научно-практической конференции (Брест, БрГТУ 21-23 июня 2021г.); – Брест: БрГТУ, 2022.
8. Власов Ю. Литературный дневник / Ю. Власов. – URL://<https://proza.ru/2015/12/06/2432> (дата обращения 11.01.2022)
9. Вторая мировая война в детских «рамках памяти» / Под ред. А.Ю. Рожкова. – Краснодар. – 2010.
10. Выставка «Военное детство». Детский музей г. Полоцк. – URL: <http://children.polotsk.museum.by/be/node/61754> (дата обращения 11.01.2022)
11. Дети войны: 1941-1945 гг. (антропологический аспект) / отв. ред. Е.Г. Пономарев. – Ставрополь, 2011.
12. Записано от Аккуратновой Зинаиды Андреевны, 1938 г.р., г. Новозыбков Брянской обл.
13. Записано от Ковалева Николая Сергеевича, 15.12.1938 г.р., Брянская область, Климовский район, д. Рудня-Цага.
14. Записано от Ковалевой Нины Яковлевны (девичья фамилия - Прядко), 30.09.1940 г.р., Брянская область, Климовский район, д. Рудня-Цага.
15. Записано от Лузик Л.И. 1945 г.р., с. Верещаки Новозыбковского р-на Брянской обл.
16. Записано от Мاستюгиной Евгении Фоковны, 1928 г.р., с. Шеломы Новозыбковского района Брянской области
17. Записано от Родичева Валентина Петровна 15 сентября 1938 г. С. Чуровичи, Климовский район, Брянская область
18. Записано от Сороковой (Оболониной) Татьяны Ивановны, 1935 г.р. п. Калиновка Внукевичского сельсовета Новозыбковского района Брянской области.
19. Значение игрушки для детей в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://muravey.perm.ru/wp-content/uploads/2019/04/33.pdf> (дата обращения 11.01.2022)
20. Короткое детство. Ярославский музей-заповедник. – URL: <https://korotkoedetstvo.bm.digital/exhibition/569660205445440238/yaroslavskij-muzej-zapovednik> (дата обращения 11.01.2022)
21. Курбатова Н.В. Игры и игрушки детей во время Великой Отечественной войны / Н.В. Курбатова. – URL: https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library_kids/igri_i_igrushki_detej_vo_vremya_velikoj_otechestvenno_173939.html (дата обращения 11.01.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lozhechko S.M. Deti vojny', ili Podranki [Children of War, or Wounded] / S.M. Lozhechko – Bryansk: Poligram-Plyus, 2021. – 224 p. [in Russian]
2. Ry'blova M.A. «Territoriya detstva» v prostranstve Velikoj Otechestvennoj vojny' (na materiale Stalingradskoj bitvy) ["The territory of childhood" in the space of the Great Patriotic War (based on the material of the Battle of Stalingrad)]. / M.A. Ry'blova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]. – 2014. – № 4. [in Russian]

3. Repina, N.I. N.I. Detstvo kak koncept kul'tury': itogi raboty' seminaru «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki» (2007-2011gg.) [Childhood as a concept of culture: results of the seminar "Childhood Culture: norms, values, practices" (2007 - 2011)]. / N.I. Repina, N.I. // Istoriko-pedagogicheskij zhurnal [Historical and pedagogical journal]. – 2012. – № 3. [in Russian]
4. Shukshina T.I. Social'naya zashhita detej v Mordovii v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' [Social protection of children in Mordovia during the Great Patriotic War]. / T.I. Shukshina // Pedagogika [Pedagogy]. – 2004. – № 2. [in Russian]
5. Areshhenko T.N. Vospominaniya «detej vojny'» kak nezamenimyj istochnik issledovatel'skoj raboty' muzeev po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny' [Memoirs of "children of War" as an indispensable source of research work of museums on the history of the Great Patriotic War]. / T.N. Areshhenko // Our region in the history of the Fatherland. Collection of research papers on the history of the region (issue 3); – Unecha: Desyatohka, 2015. [in Russian]
6. Xly'nina T.P. Kadry' iz voennogo detstva: o chem i kak vspominayut ochevidcy' Velikoj Otechestvennoj v preddverii yubileya Pobedy' [Footage from military childhood: what and how eyewitnesses of the Great Patriotic War remember on the eve of the Victory anniversary]. / T.P. Xly'nina // Signs of war in life and memory: the impact of armed conflicts of the XX century on Russian society: collection of articles; – Rostov na Donu: Foundation, 2014. [in Russian]
7. Mishhenko T.A. Kacheli, ilka, py'zhi, kamen'ki: kak igrali, rabotali, vy'zhivali «deti vojny'» v 1941-1943 gg [Swing, ilka, wads, stones: how the "children of war" played, worked, and survived in 1941-1943]. / T.A. Mishhenko // The Lord will grant us victory. Materials of the scientific and practical conference (Brest, BrSTU, June 21-23, 2021); – Brest: BrGTU, 2022. [in Russian]
8. Vlasov Ju. Literaturnyj dnevnik [Literary diary] / Ju. Vlasov. – URL://https://proza.ru/2015/12/06/2432 (accessed 11.01.2022) [in Russian]
9. The Second World War in the children's "memory framework" / Ed. by A.Yu. Rozhkov. – Krasnodar. – 2010. [in Russian]
10. Vystavka «Voennoe detstvo». Detskij muzej g. Polock [Exhibition "Military childhood". Children's Museum of Polotsk]. – URL: //http://children.polotsk.museum.by/be/node/61754 (accessed 11.01.2022) [in Russian]
11. Deti vojny: 1941-1945 gg. (antropologicheskij aspekt) [Children of War: 1941-1945 (anthropological aspect)] / ed. by E.G. Ponomarev. – Stavropol, 2011. [in Russian]
12. Zapisano ot Akkuratnovoj Zinaidy Andreevny, 1938 g.r., g. Novozybkov Brjanskoj obl. [It was recorded from Zinaida Andreevna Akkuratnova, born in 1938, Novozybkov, Bryansk region]. [in Russian]
13. Zapisano ot Kovaleva Nikolaja Sergeevicha, 15.12.1938 g.r., Brjanskaja oblast', Klimovskij rajon, d. Rudnja-Cata. [Recorded from Kovalev Nikolay Sergeevich, born on 15.12.1938, Bryansk region, Klimovsky district, Rudnya-Tsata village]. [in Russian]
14. Zapisano ot Kovalevoj Niny Jakovlevny (devich'ja familija - Prjadko), 30.09.1940 g.r., Brjanskaja oblast', Klimovskij rajon, d. Rudnja-Cata. [Recorded from Nina Yakovlevna Kovaleva (maiden name - Pryadko), born on 30.09.1940, Bryansk region, Klimovsky district, Rudnya-Tsata village]. [in Russian]
15. Zapisano ot Luzik L.I. 1945 g.r., s. Vereshhaki Novozybkovskogo r-na Brjanskoj obl. [Recorded from Luzik L.I. born in 1945, S. Vereshchaki Novozybkovsky district of the Bryansk region]. [in Russian]
16. Zapisano ot Mastjuginoj Evgenii Fokovny, 1928 g.r., s. Shelomy Novozybkovskogo rajona Brjanskoj oblasti [Recorded from Evgeniya Fokovna Mastjugina, born in 1928, village of Sheloma, Novozybkovsky district, Bryansk region] [in Russian]
17. Zapisano ot Rodicheva Valentina Petrovna 15 sentjabrja 1938 g. S. Churovichi, Klimovskij rajon, Brjanskaja oblast' [Recorded from Valentina Petrovna Rodicheva on September 15, 1938, Churovichi village, Klimovsky district, Bryansk region] [in Russian]
18. Zapisano ot Sorokovoj (Oboloninoj) Tat'jany Ivanovny, 1935 g.r. p. Kalinovka Vnukovichskogo sel'soveta Novozybkovskogo rajona Brjanskoj oblasti. [Recorded from the Fortieth (Borodina) Tatiana Ivanovna, born in 1935 in Kalinovka, Vnukovichi village Council, Novozybkovsky district, Bryansk region]. [in Russian]
19. Znachenie igrushki dlja detej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The importance of toys for children during the Great Patriotic War]. – URL: https://muravey.perm.ru/wp-content/uploads/2019/04/33.pdf (accessed 11.01.2022) [in Russian]
20. Korotkoe detstvo. Jaroslavskij muzej-zapovednik [A short childhood. Yaroslavl Museum-Reserve]. – URL: https://korotkoedetstvo.bm.digital/exhibition/569660205445440238/yaroslavskij-muzej-zapovednik (accessed 11.01.2022) [in Russian]
21. Kurbatova N.V. Iгры i igrushki detej vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny [Games and toys of children during the Great Patriotic War] / N.V. Kurbatova. – URL: https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library_kids/igri_i_igrushki_detej_vo_vremya_velikoj_otchestvenno_173939.html (accessed 11.01.2022) [in Russian]